

## БУДНИ

**ОБЫЧНЫЙ** день в Москве. День очень много, и день до позднего вечера распisan почти по минутам. Впрочем, можно ли назвать это буднями? Устаешь, а все-таки каждый день кажется праздником. Ведь для меня Москва—это театры. Они—моя профессия. Я театровед, критик, и хочется увидеть, понять, почувствовать как можно больше в театральной жизни столицы. Приходится иногда смотреть по два спектакля в день, утром и вечером. Не беда, что впечатлений много. Важно записать все, запомнить, а разобравшись, проанализировать впечатления можно будет и потом.

Горюпочно завтракая, вспоминаешь, что сегодня надо сделать.

В Марийской студии ГИТИСа сегодня экзамен по мастерству актера, и студенты просили меня прийти обязательно. Впрочем, если бы и не просили, я все равно пришла бы. Это что-то очень близкое, ставшее родным за двадцать два года жизни в республике. И очень хочется посмотреть, какими стали студенты. Помню, когда они были на первом курсе, то ходили по коридорам института робкие, растерянные, держались вместе и говорили полупешотом. Теперь это курс коммунистической учебы. Они сами следят за посещаемостью и порядком на лекциях, сами отвечают за все. Их очень хвалят в институте, и мне радостно.

Народу в зале ГИТИСа немного, только «свои». Это и понятно—экзамен обычный, а не выпускной. До выпускного в нашей студии еще далеко. Впереди большой стол, покрытый скатертью, на нем листки бумаги и карандаши. Члены комиссии не спеша садятся за стол, тихо переговариваются. Но вот полная тишина и голос: «Начали!»

Замечто, что ребята волнуются, на первых репликах голоса дрожат, но постепенно все налаживается. И тогда особенно видно, как много они уже умеют: правдивы, с хорошим чувством юмора; свободно и непринужденно, но без развязности, держатся на сцене; большинство из них хорошо двигается, пластичны, с развитым чувством ритма.

Но один вопрос очень серьезно волнует педагогов курса: нет ли у оригинальной, написанной специально для студии национальной пьесы и опасность того, что студия придется выпускать без такой пьесы, совершенно реально.

**СТРЕЛКИ** часов подходят к шести, пора в Малый театр. Фойе и коридоры театра еще почти пусты, пушистые дорожки глупат шаг, а вечерние косые луча солнца падают в окна, отражаются в зеркалах, дробятся на множество солнечных зайчиков.

Все просто, строго, серьезно. А мне все кажется необычным—и ступеньки, и паркет, и дорожки,—ведь здесь ходил великий русский актер Шенкин, здесь стены помнят гениальную Ермолову, может быть, вот на этой банкетке сидел в перерывах между репетициями пламенный Остужев,

актер-герой, чей подвиг в искусстве навсегда останется в истории театра.

«Палата» — один из лучших спектаклей Малого театра последнего времени и хочется сравнить его с нашим спектаклем, который шел в прошлом сезоне (режиссеры А. Шарский и Ф. Быстров). В целом спектакль несомненно лучше нашего. Он более цельный по замыслу, более страстный и, безусловно, ровнее сыгран.

Профессор у заслуженного артиста РСФСР Ю. Аверина—это большой ученый и притом хирург с теми жестами, мизантроп держаться, которые всегда отталкивают людей этой профессии, но очень внутренние мягкий и

## ТЕАТР ВАХТАНГОВА

**Я** ЛЮБЛЮ этот театр больше всех театров Москвы и любовь эта давняя, многолетняя. Люблю за яркость, выразительность и смелость его спектаклей, за то, что актеры его умеют быть не только психологически глубокими в создаваемых ими образах, но и неожиданными, новыми, импровизаторами. Здесь могут ошибаться, терпеть поражения, но волновать будут всегда.

Но особенно я люблю этот театр вечером. Блеск огней, белый мрамор лестниц, растопные, приветливые улыбки людей в фойе. Всем сердцем чувствуешь—это праздник. Сегодня идут «Черные птицы» («Верность»)

М. Коронья) более мелкая, пустая, слабая, чем играла ее у нас З. Vishневская. И в образе Круторяова народный артист РСФСР А. Абрикосов настоятельно подчеркивает ограниченность и малую культуру.

И думаешь: как хорошо, что в нашем спектакле «Верность» был свой замысел, свое решение, которое вполне можно поставить рядом с решением спектакля театром Вахтангова. И, пожалуй, кое в чем окажется сильнее.

Я видела еще много спектаклей этого театра: и нестарую, веселую, без пошлости и цинизма «Стряпуху», и полный напряженности и какого-то безысходного трагизма «Живой труп», и блестящую, легкую,

рождение к жизни, а востышка невыявленного яркого света, искренного и сильного чувства. Но он понимает, что это ненадолго, что счастья не будет, не может быть, а будет только тоска, боль, где-то презрение к самому себе.

Остро играет человека в котеле заслуженный артист РСФСР Соловьев. Клоуновский излом бровей, смешные ужимки, разрывчивые шероховатые движения верного человека и застывший в глазах испуг. Ведь это трагедия—бежать от жизни в прошлое, быть смешным и жалким от вечного страха и не видеть спасения.

В той же манере играет человека в потертом костюме народный артист РСФСР В. Деккер. Этот опустившийся, готовый от голода и нужды на все, человек без Родины переживает высокие минуты, когда оказывается совершать подлость и говорит, что считает себя «русским». Но это только мимолетно. Подлость он не совершит, но и героем не станет.

Чей спектакль ближе к пьесе—наш или театра им. Ермоловой? Трудно сказать, но спектакль ермоловцев как-то больше убеждает, потому что он более цельен, един по стилю.

...Кочился спектакль, но не хочется уходить с улицы Горького: ведь это один из последних вечеров моих в Москве. И снова вспоминаются встречи в ГИТИСе и в театрах, разговоры об искусстве.

И еще впечатление от спектакля «Милый жезл» во МХАТе. В нем участвуют всего два актера—народный артист СССР А. Кторов и народная артистка СССР А. Степанова. Сидят два актера, разговаривают, смеются, негодуют и все очень просто, все как в жизни, и три часа пролетают незаметно, и невозможно оторваться от повести о жизни и любви двух людей, людей умных, ироничных, порой саркастичных и гневных, умеющих прятать боль и горе под шутку, быть честными перед самими собой и перед людьми; они пронесли свою огромную любовь через всю долгую жизнь как высший, прекрасный дар этой жизни.

Москва подарила мне на прощание еще одно незабываемое впечатление: я поняла, почувствовала, что такое настоящий МХАТ.

\*\*\*

Расставаться всегда грустно, а расставаться с Москвой грустно вдвойне. Но пора возвращаться домой. Вот медленно тронулся поезд, утлыпают назад дома, промелькнул последний трамвай. До свиданья, Москва, до свиданья! Мы, увидимся еще, обязательно увидимся!

Л. ДОБРОНРАВОВА

# МОСКОВСКИЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

чужий человек.

Из четырех больных в палате «первую скрипку» играет Прозоров—народный артист РСФСР Константин Прозоров самоуверен, гуп, уверен в собственной непогрешимости и презирает «всех», потому что «все», по его понятиям, ниже его. Именно разоблачение «прозоровщины» как пережитка культа личности и стало главным в спектакле Малого театра.

Когда вспоминаешь этот страстный, сыгранный в реалистически точной, спокойной, психологически глубокой манере Малого театра спектакль, то отдаешь ему предпочтение перед спектаклем нашего русского республиканского драматического театра.

Но... Это «во»—главное и касается оно писателя Новикова. По замыслу драмы не Прозоров, а именно Новиков—главный герой. В Малом театре заслуженный артист республики Б. Телегин—Новиков какой-то погасший, равнодушный, холодный. Не веришь ни тому, что это большой писатель, ни тому, что он интересный и мужественный человек. Основная схватка его с Прозоровым в палате выглядит короткой вспышкой, после которой снова наступает бессилие.

А вот в нашем спектакле Новиков—Ф. Быстров был другим—страстным и сильным бойцом. У него была сдержанность, а не равнодушие, мудрость, борьба до конца, а не безразличное равнодушие человека, примирившегося с собственной участью. Так в нашем спектакле прозвучало главное, сегодняшнее, нужное, что оказалось приглушенным в спектакле Малого театра.

И как не пожалеть о том, что артиста Ф. Быстрова уже нет в нашем театре... Почему каждый год мы теряем лучших из коллектива?

Прошел один из обычных, будничных московских дней. Но будни ли это?

Н. Погодина и зал полон. Впрочем, здесь зал всегда полон, а на «Турандот», восставленный знаменитый вахтанговский спектакль, билетами запасаются за месяц и больше.

«Черные птицы»—последняя пьеса Погодина, и опять напрашивается сравнение со спектаклем «Верность», который шел в нашем русском театре в прошлом сезоне (режиссер Н. Баль). Не будем даже сравнивать спектакли «слушать», «сужать»—здесь не в этом дело. Мне кажется, они разные по замыслу и где-то мы даже ближе к Погодину, чем вахтанговцы, хотя во многом и уступаем им.

Прежде всего Первозванов, ибо здесь основа оптимистичности пьесы. Первозванов в исполнении народного артиста СССР М. Астангова—это большой ученый, человек огромного, острого, какого-то разящего интеллекта и внутренней культуры. В Первозванове — Ф. Быстрове нашего спектакля ученый чувствовался меньше. Но Первозванов—Астангов у вахтанговцев какой-то устоявший, надломленный даже. Ученым он останется до конца дней, но борцом уже не будет и в институт, в котором работал раньше, ему, пожалуй, и незачем возвращаться. Наш Первозванов был мятежнее, страстнее, сильнее как-то. Это был борец, который не потерял ни огня, ни веры.

Дело не в том, что в театре Вахтангова чего-то сыграть не сумели. Просто, очевидно, подчеркивали трагедию личности, а не мужество и борьбу, поэтому здесь мужество с примесью горячи, где-то даже безысходности. Ведь тот же М. Астангов играл Матиаса Клаузуена в пьесе Гауптмана «Перед заходом солнца» страстным борцом до конца, борцом против фашизма. И образ этот уже стал классическим.

В соответствии с таким замыслом «Черных птиц» и Мария Михайловна (заслуженная артистка РСФСР

остроумную «Турандот» и еще немало.

Поздней ночью, выходя под серый портик театра с колоннами, глядя на яркие огни ночного Арбата, я слышу, как кто-то рядом говорит, что сила этого театра, помимо всех прочих качеств, еще и в том, что от него всегда можно ждать большего, чем он уже дал, и театр почти никогда не обманывает ожидания. Очень верно сказано.

## В ОДИН ИЗ ПОСЛЕДНИХ ВЕЧЕРОВ

**В** ВЕЧЕР был серый и холодный, шел дождь, а все-таки Москва была прекрасна. В туманной дымке Крымский мост кажется высидым над Московской-рекой кружевом. В мокром блестящем асфальте улицы Горького отражаются разноцветные огни реклам. У входа в театр им. Ермоловой уже зажглись фонари старой, непривычной формы. Сегодня здесь идет «Северная Мадонна» Б. Тур. Народу немного: спектакль идет не первый сезон. И тем приятнее, что спектакль несколько не «спотарыл», актеры играют собранно, точно, свежо.

Спектакль этот очень отличается от того, какой можно было увидеть на сцене нашего Русского театра. Он решен совсем в другом жанре. У нас была психологическая драма, причем с изрядным мелодраматическим налетом, а здесь трагикомедия, причем комизм острый, иногда доходящий почти до буффонады, и трагизм глубокий, полный такой тоски, боли, что жаль людей, хороших иногда, которые не смогут противостоять той машине подготовки войны, в которую их затянули.

Очень хорош в роли Роджерса народный артист РСФСР В. Якут. Этот умный, скептический, но не сильный человек уже ни на что не надеется. Сколько он ни пытался вырваться, он останется «коммивояжером смерти». И любовь его—не воз

МАШИНОПИСАТЕЛЬ ПРАВДЫ  
Г. Иосифов-Ола